

Если задуматься, с тех пор как Лу Цинцзю по-настоящему праздновал свой день рождения, прошла целая вечность. Даже когда компания вспоминала о днях рождения сотрудников и устраивала поздравления, это не шло дальше скромного подарка и торта, разрезанного всем коллективом. Но тогда он был настолько поглощён работой, что собственный день рождения пролетал незамеченным, и Лу Цинцзю вспоминал о нём лишь спустя недели.

Утренний завтрак был приготовлен общими усилиями троих. Это была миска с лапшой долголетия. С виду – самая обычная лапша. Но на ней красовались три золотистых яичницы, аппетитно поблёскивающие маслом.

Лу Цинцзю сел за стол. Напротив него, облокотившись локтями, сидели Чжу Мяомяо и Инь Сюнь, с нетерпением глядя на него.

Инь Сюнь улыбнулся, и от этой улыбки разлилась теплота: «С днём рождения, Цзю-эр. Прошло так много лет с тех пор, как мы вместе отмечали твой праздник. Помню, когда твоя бабушка была жива, она всегда готовила тебе лапшу. Сегодня тебе выпала честь попробовать моё скромное творение. Я сварил для тебя легендарную лапшу долголетия на курином бульоне!»

Чжу Мяомяо подтолкнула миску: «Давай же, пробуй скорее!»

Лу Цинцзю: «...» При всём его скепсисе к кулинарным талантам Инь Сюня, надо признать – лапша перед ним выглядела до обидного соблазнительно. Сквозь прозрачный бульон проглядывали изумрудные кольца зелёного лука, а от миски исходил густой аромат куриного бульона, от которого рот наполнялся слюной. Как ни крути – выглядело это совершенно нормально.

Под их выжидающими взглядами Лу Цинцзю не проронил ни слова и просто съел всю миску до дна. И надо сказать, лапша оказалась действительно вкусной. Желтки яичницы остались жидкими и нежными, они растекались по языку, согревая всё тело. Когда Лу Цинцзю доел, ему показалось, что внутри разлилось тепло, по каждой клеточке пробираясь до самых кончиков пальцев.

«Великолепно. Спасибо вам всем», – улыбнулся Лу Цинцзю.

«Сегодня вся готовка на нас, ты можешь просто отдыхать целый день, – заявила Чжу Мяомяо. Её глаза блестели, словно она уже предвкушала его беззаботный день. – На улице чудесная погода. Почему бы вам с Бай Юэху не прогуляться в горы? Как тебе идея?»

Лу Цинцзю мягко улыбнулся: «Не стоит, я могу и сам справиться. В конце концов, это мой день рождения, и я хочу угостить вас».

Но Чжу Мяомяо была непреклонна. В конце концов, Лу Цинцзю сдался под её напором, взял

Бай Юэху и направился в поля, оставив кухню в руках троицы. Правда, перед уходом он не забыл предупредить, чтобы они соблюдали безопасность и ненароком не спалили кухню дотла.

На полях Лу Цинцзю и Бай Юэху болтали о прошлом. Лу Цинцзю рассказывал о детстве, и воспоминания всплывали перед глазами тёплыми и немного грустными образами. Бай Юэху оказался превосходным слушателем – ему не нужно было беспокоиться, что тот разболтает кому-то ещё: мужчина был слишком ленив, чтобы открывать рот для разговора.

Их поля буйно зеленели, полные жизни. Недавно посаженные тыквы уже выросли, и первые плоды уродились на славу. Лу Цинцзю поднял одну, прикидывая вес – на руку легло добрых двадцать-тридцать цзиней. Он решил принести её домой, чтобы приготовить несколько десертов из тыквы.

Но на полпути обратно его желудок скрутило.

«Что случилось?» – спросил Бай Юэху, заметив, как побледнел молодой человек.

Лицо Лу Цинцзю стало мертвенно-бледным: «У меня... живот немного болит. Возьми тыкву, я вернусь первым!» – с этими словами он сунул тыкву в руки Бай Юэху и стремглав бросился прочь, оставив позади ошеломлённого мужчину.

Факты доказывали: Лу Цинцзю обладал великолепным чутьём на будущее. Когда он добежал до дома, то едва сдерживался и ветром влетел в уборную.

Через двадцать минут Лу Цинцзю выполз наружу, бледный как бумага, ноги подкосились, и он едва не рухнул на пол.

Увидев такое зрелище, сидевший во дворе Бай Юэху нахмурился: «Что с тобой?»

«Я... я съел лапшу, которую приготовил Инь Сюнь», – голос Лу Цинцзю дрожал, словно он вот-вот расплчется.

Бай Юэху: «...» Выражение его лица говорило красноречивее слов.

Лу Цинцзю возмутился: «Но она выглядела вполне прилично!»

Бай Юэху с тенью иронии заметил: «То же самое ты говорил и в прошлый раз».

Лу Цинцзю корчился от боли, готовый провалиться сквозь землю. Но самое страшное было впереди: в эту самую минуту Инь Сюнь и Чжу Мяомяо колдовали на кухне, вкладывая все свои кулинарные таланты в его праздничный обед. Не успел Лу Цинцзю сказать и слова, как его желудок снова скрутило, и он опять умчался в туалет.

Сидя на корточках, он начал с горечью проклинать отсутствие в доме нормального унитаза. Ноги затекли так, что казалось, их придётся ампутировать...

Когда Лу Цинцзю наконец почувствовал облегчение и вышел, он выглядел совершенно обессиленным. Бай Юэху протянул ему чашку горячего чая. В его взгляде читалась смесь сочувствия и насмешки: «Они приготовили тебе целый стол».

Рука Лу Цинцзю, держащая чай, мелко дрожала. Бай Юэху добавил: «Пей чай». А затем, не моргнув глазом, добил: «Торопись навстречу своей смерти».

Лу Цинцзю поперхнулся чаем и закашлялся.

Допив чай, он поволок своё тяжелое тело в дом. На столе его ждали яства, приготовленные Инь Сюнем и Чжу Мяомяо. Надо признать, если бы не адская боль в заднице, этот стол выглядел бы невероятно соблазнительно. Изысканное сочетание мясных и овощных блюд, огромный котёл с дымящимся куриным супом, а в центре – прекрасная рыба-белка, аппетитно поблёскивающая румяной корочкой.

Чжу Мяомяо восхищённо похвалила: «Инь Сюнь, у тебя действительно отлично получается готовить!»

Инь Сюнь застенчиво улыбнулся: «Просто дома было много практики. Раньше получалось не так хорошо. Цзю-эр, ты вернулся? Что-то ты сегодня долго в полях».

Лу Цинцзю подумал про себя: «Долго? Да я все утро просидел в туалете!» Жаль только, что они были слишком заняты, чтобы заметить умирающего в туалете человека.

«Инь Сюнь... я хотел кое-что сказать...» – начал Лу Цинцзю.

Но Чжу Мяомяо ничего не подозревала. Она радостно подбежала к нему и потянула за рукав: «Да что ты говоришь? Давай, садись, поешь сначала. Поговорим после – еда стынет!»

Лу Цинцзю знал, что должен сказать правду. Но, встретив выжидающий взгляд Инь Сюня, понял, что слова застряли в горле. Инь Сюнь знал, что его бабушка всегда готовила ему лапшу на день рождения, поэтому он встал ни свет ни заря, чтобы сварить свежий куриный бульон. Он знал, что Лу Цинцзю уже много лет не праздновал свой день рождения, и специально приготовил целый стол прекрасных блюд. У него не было дорогих подарков, поэтому он вложил всю свою душу в эту еду... Столкнувшись с такой заботой друга, Лу Цинцзю вдруг понял, что у него не хватает смелости сказать, что это блюдо нельзя есть.

Видя, что Лу Цинцзю застыл на месте, Инь Сюнь растерянно спросил: «Что-то случилось, Цинцзю?»

Лу Цинцзю глубоко вздохнул. В конце концов он ничего не сказал. В его глазах засветился добрый, почти отеческий свет. Он сел за стол и произнёс: «Давайте есть».

«Я позову Бай Юэху», – счастливо убежала Чжу Мяомяо.

Когда Юэху вошёл в дом, он увидел, что Лу Цинцзю снова сидит за столом и даже держит в руках палочки для еды. Он слегка приподнял бровь, в глазах мелькнул немой вопрос.

Лу Цинцзю не мог сказать это Инь Сюню, поэтому он просто вытащил телефон и написал Бай Юэху: «Они работали весь день. Если скажу, что не могу есть, они будут разочарованы».

Бай Юэху помолчал, затем прислал единственную строчку: «Ты действительно не боишься смерти».

Лу Цинцзю выключил телефон, сделав вид, что ничего не заметил, и взялся за палочки.

Еда действительно была вкусной. Для Инь Сюня, который редко стоял у плиты, всё было приготовлено на удивление хорошо. Они пили вино, болтали, и в комнате царил тёплая, уютная атмосфера. Но при мысли о том, как он проведёт следующие несколько часов после этой трапезы, сердце Лу Цинцзю сжималось от боли. Он даже начал обдумывать, не сходить ли к соседям, чтобы воспользоваться их туалетом.

Застолье выдалось на славу. Они наелись до отвала, запивая всё вином. Чжу Мяомяо торжественно внесла торт, с помпой поставила на него свечи – Лу Цинцзю понятия не имел, где она их раздобыла, – и зажгла их.

«Цинцзю, с днём рождения! – Улыбка Чжу Мяомяо сияла ярче свечей. – Мы вместе испекли его. Выглядит не очень, но на вкус – объедение!»

Когда Лу Цинцзю увидел торт, в его сердце кольнуло горькое предчувствие: «Кажется, сегодня ночью мне придётся спать в туалете. Но ничего страшного – в конце концов, ещё несколько человек составят мне компанию». При этой мысли он почувствовал странное облегчение и улыбнулся доброй, светлой улыбкой.

Заметив улыбку Лу Цинцзю, Чжу Мяомяо полюбопытствовала: «Цзю-эр, почему твоя улыбка так напоминает Будду?»

«В самом деле?» – отозвался он.

«Истинная правда», – кивнула она.

Лу Цинцзю подумал про себя: «Должно быть, оттого, что я уже знаю: скоро вознесусь на

небеса и сам стану одним из них».

Бай Юэху, сидевший рядом, наблюдал за их перепалкой; его плескался смех.

Чжу Мяомяо всё ещё не знала, что случилось, но, видя, что Лу Цинцзю не спешит с объяснениями, целиком сосредоточилась на торте. Она зажгла свечи и даже спела ему «С днём рождения». Лу Цинцзю загадал три желания и одним духом задул все огоньки.

Торт разрезали и поделили меж собой. Хотя с виду он походил на белую кашку, на вкус оказался довольно сносным – по крайней мере, как десерт. Лу Цинцзю быстро управился со своей долей, а затем молниеносно развернулся и направился прочь. Глядя на решительный изгиб его спины, Чжу Мяомяо недоумённо спросила: «Цзю-эр, ты куда?»

«В туалет», – бросил он через плечо.

«Зачем тебе в туалет?»

«Скоро узнаете». Лу Цинцзю на миг остановился и, обернувшись к троице простакам, ещё не подозревавшим о грядущем, добавил: «Даю вам честный совет: ступайте сейчас же и найдите в деревне туалет. А как зайдёте – не выходите...»

На лицах троицы застыло недоумение, но вскоре смысл его слов стал до ужаса ясен.

«Чёрт, чёрт! Лу Цинцзю, выходи! Я больше не могу терпеть!..» – завопил Инь Сюнь, словно придушенный цыплёнок.

Однако Лу Цинцзю, только что источавший отеческое сияние, остался непоколебим, словно камень. «Не выйду. Отныне я здесь поселюсь».

«Брат Лу, брат Лу, умоляю, дай мне шанс! – решила сменить тактику Чжу Мяомяо. – Я впусти тебя обратно, как только закончу».

«И не мечтай, – отрезал Лу Цинцзю. – Я тебя знаю: ты та ещё штучка. Не обманывай меня сладкими речами. Впусти – и туалет станет твоим и сменит имя на Чжу».

У Цзян Бухуаня не хватило духа сражаться с Лу Цинцзю. Покраснев, он поплёлся к соседям проситься в их уборную.

Видя, что план провалился, Инь Сюнь и Чжу Мяомяо разразились бранью и отправились искать другие места. Лу Цинцзю наконец стал королём туалета, но радости это ему не

принесло.

В конце концов, четыре человека, каждый из которых слил свое тело с туалетом, сформировали групповой чат* и начали обмениваться сообщениями.

[Rохана: Простите, не могу удержаться! Новая соц.сеть «ВСортире»!! хДДД]

Инь Сюнь спросил Лу Цинцзю, почему тот не предупредил их утром, что еда испорчена. Лу Цинцзю ответил, что ведь это была их искренняя добрая воля, не так ли?

Бесстыжий Инь Сюнь ухмыльнулся: «Да-да, наша добрая воля. Ты бы один всё съел, а мы бы постояли рядом, посмотрели».

«Если я ударю тебя этим кулаком, ты можешь умереть», – парировал Лу Цинцзю.

Чжу Мяомяо принялась скулить, что к утру её обезводит этот понос, и что она собственными глазами видела, как Инь Сюнь готовил, – с ингредиентами всё было в порядке, так с чего же ей так плохо?

«Может, оттого, что еда была полна любви», – предположил Инь Сюнь.

«Но от твоей любви у меня так сильно болит задница», – вздохнула Чжу Мяомяо.

Инь Сюнь: «...» Барышня, не могли бы вы не говорить столь двусмысленных вещей?

Бай Юэху тоже был в чате, но, поскольку еда на него не подействовала, он молчал. Однако, когда все почти закончили болтовню, он отправил смайлик с фальшивой улыбкой, отчего Инь Сюнь поёжился.

День выдался насыщенным: утром готовка, днём – трапеза, а вечером – переписка из туалетов. Лишь когда солнце почти село, все снова собрались во дворе, распластавшись по земле, будто выжатые лимоны.

«Я, кажется, не выживу, – простонала Чжу Мяомяо. – От меня осталась одна оболочка».

«Не придумывай, – ответил Инь Сюнь. – На тебе ещё много мяса».

«...Заткнись, прошу», – попросила она.

Лу Цинцзю лежал в кресле рядом с Бай Юэху, чувствуя, что и от него осталась лишь кожа. Хуже всего было то, что ноги будто пронзило током: он их не чувствовал, даже когда шлёпал

себя по ним.

«А что мы сегодня будем есть?» – слабым голосом спросила Чжу Мяомяо.

«Ты ещё способна есть?» – удивился Лу Цинцзю.

«А ты разве не голоден? Бухуань, ты голоден?»

Цзян Бухуань промолчал. Он рухнул на стул рядом с ними, словно высохший труп. Сидя на корточках в туалете, он даже думал, что умрёт вот так, и сам не знал, как пережил этот день... Собрал последние силы, он выдал два слова: «Не голоден».

Чжу Мяомяо разочарованно вздохнула. Ей и вправду хотелось есть, но в доме никто не был способен готовить, так что оставалось лишь перекусить чем-то лёгким, чтобы унять голод. Лу Цинцзю поразился крепости её желудка: сам он чувствовал, что от одной мысли о еде живот сводит судорогой.

Обед, приготовленный Инь Сюнем, оказался поистине мощным.

Вечером Чжу Мяомяо вручила Лу Цинцзю свой подарок – очень дорогие механические часы. Сначала он хотел отказаться, считая их слишком ценными, но в глазах Чжу Мяомяо читалось: если он не примет их, значит, не считает её другом. Тогда он взял часы и, протянув руки, привлёк девушку в объятия.

После потери всех родных Лу Цинцзю считал Чжу Мяомяо частью своей семьи. Эта девушка была заботливой, полной энтузиазма и очень дорожила друзьями. Лу Цинцзю был безмерно благодарен за встречу с ней. Впрочем, удача его не ограничивалась только ею: он был рад всем, кто был в этом доме – людям и животным.

Лю Сяоюй, Сяо Хэй, Сяо Хуа, лисёнок Су Си и даже циньюани из внутреннего двора приготовили ему подарки на день рождения. Все они были занятыми, и искренность чувствовалась в каждой мелочи. Принимая их один за другим, Лу Цинцзю улыбался и благодарил.

Ему очень нравилась деревня Шуйфу. Хотя он понимал, что она не такая, как другие, он всё равно любил это место.

Ночью тело Лу Цинцзю наконец восстановилось. После дня, полного борьбы за жизнь, он собирался лечь спать пораньше, но его остановил Бай Юэху.

Тот подошёл к спальне Лу Цинцзю и постучал в дверь. «Я хочу кое о чём с тобой поговорить».

«О чём?» – спросил Лу Цинцзю.

«Я ещё не подарил тебе свой подарок на день рождения», – сказал Бай Юэху.

«Подарок?.. – Лу Цинцзю и впрямь не ожидал этого; приятное удивление озарило его лицо. – Что же это?»

Бай Юэху ничего не ответил, лишь поманил его рукой.

Лу Цинцзю последовал за ним. Они вышли из дома и направились вверх по горному склону.

Весенняя ночь была прохладной, но не холодной. Лёгкий ветерок ласкал лицо, чуть щекотал и невольно вызывал улыбку. Небо стояло чистое; луна ещё не взошла, но небо усыпали звёзды. Стрекотание насекомых в траве у тропы наполняло ночь мелодией.

Они шли молча, но в этом молчании не было неловкости. Когда они углубились в лес, окружающий пейзаж показался совершенно незнакомым в темноте. Шедший впереди Бай Юэху внезапно остановился, обернулся и протянул Лу Цинцзю руку: «Иди ко мне».

Лу Цинцзю взял его за руку.

Вокруг них поднялся чёрный туман, окутавший Бай Юэху. Затем Лу Цинцзю почувствовал рывок – и Бай Юэху усадил его на что-то холодное и твёрдое. Эта вещь была окутана тьмой, так что её нельзя было разглядеть. Однако, проведя рукой, Лу Цинцзю ощутил гладкую чешую, на ощупь напоминавшую камень.

Наверное, это была истинная форма Бай Юэху. При этой мысли в глазах Лу Цинцзю зажглась улыбка. Гигантский зверь, окутанный чёрным туманом, медленно поднялся в небо вместе с ним. Земля внизу становилась всё меньше, а огни – словно светлячки в траве. Они парили в вышине, рядом со звёздами.

Бай Юэху летел уверенно, хотя у него не было крыльев. Вокруг Лу Цинцзю возник прозрачный барьер, защищавший от холодного ветра и низкой температуры. Взглянув вниз, он поразился: знакомая деревня исчезла, уступив место белому Морю Облаков.

В этом Море вспыхивали сгустки света. Приглядевшись, Лу Цинцзю заметил, что это рыбы, плавающие в облаках, и другие неведомые ему существа. Бай Юэху начал снижаться, направляясь к Морю Облаков. Сперва Лу Цинцзю боялся, что соскользнёт, но вскоре понял, что сидит крепко, не чувствуя невесомости.

Чем ближе они подлетали к Морю Облаков, тем больше становилось диковинных созданий. Там были рыбы с шестью телами, птицы, прекрасные, словно фениксы, и даже та гигантская корова, которую они видели прежде.

Это был иной мир – такой, какого Лу Цинцзю никогда не видел. Он провёл ладонью по спине гигантского зверя, чувствуя, как в груди закипает что-то горячее, невысказанное, и наконец не удержался – склонился и прижался лицом к спине Бай Юэху.

Чешуя на его спине не была ни тёплой, ни мягкой, но в этот миг Лу Цинцзю казалось, что она прекраснее любого пушистого лисьего хвоста, – настолько, что на мгновение захотелось коснуться её губами.

Бай Юэху, почувствовав движение, напрягся – лишь на миг, но осторожная ласка Лу Цинцзю заставила его медленно расслабиться.

Из-под Моря Облаков пробивался свет. Сперва робкий и бледный, он становился всё ярче по мере того, как Бай Юэху снижался. Облака таяли, открывая взгляду бескрайнюю синеву неба, а под ним – чистый, словно слеза, океан. Его вода отличалась от всего, что Лу Цинцзю видел прежде: лазурная, пронзительная, в ней, как в хрустальном аквариуме, плавали рыбы и диковинные существа. Они скользили меж водой и небом, словно весь мир слился в единое, дышащее целое.

Вода была настолько прозрачной, что даже издали угадывались песок и кораллы на дне. Тело Бай Юэху всё ещё окутывал чёрный туман. Обитатели этих мест, казалось, боялись его – при виде тени разбежались в стороны, торопливо уступая путь. Бай Юэху не обращал на них внимания; он быстро погрузился в голубую толщу.

Лу Цинцзю замер от неожиданности, но вскоре заметил, что его окружает прозрачный пузырь. Внутри него можно было дышать – и видеть океанские пейзажи, от которых захватывало дух.

«Боишься?» – раздался голос Бай Юэху.

Лу Цинцзю пришёл в себя и улыбнулся: «Нет».

В голосе Бай Юэху прозвучала редкая мягкость – словно он боялся, что Лу Цинцзю встревожится: «Ты не утонешь. Мы скоро доберёмся».

«Всё прекрасно, – ответил Лу Цинцзю. – Это удивительное место. Оно мне очень нравится».

«Тебе нравится?» – переспросил Бай Юэху.

«Да, – Лу Цинцзю помолчал. – Ты раньше здесь жил?»

Повисла тишина, а затем Бай Юэху тихо ответил: «Угу».

«И твой народ тоже живёт здесь?» – Лу Цинцзю было нестерпимо любопытно узнать о прошлом Бай Юэху. Виды его родины потрясли его до глубины души, и вопросы срывались с языка сами собой.

«Да, – медленно произнёс Бай Юэху. – Раньше нас было много. Теперь осталось совсем мало».

«Совсем мало?» – переспросил Лу Цинцзю.

«Угу».

Бай Юэху не стал объяснять – лишь сменил тему и начал рассказывать о диковинных существах вокруг. Многие из них не значились даже в «Книге гор и морей». Одни были свирепы, другие – прекрасны. Они плыли в синей воде, и всё это казалось странным, но волшебным сном, а Бай Юэху – его провожатым.

Он погружался всё глубже, словно увлекая их к бездонной пропасти. Существ становилось меньше, свет тускнел. Глубокий океан – место, куда солнце не заглядывает. Вокруг воцарилась тишина, лишь вода мягко струилась мимо.

Лу Цинцзю устал сидеть – он лёг на спину Бай Юэху, прижавшись щекой к холодной чёрной чешуе.

«Как глубоко это место?» – спросил он с любопытством.

Бай Юэху ответил, чуть смущаясь, голос его стал неловким: «Очень глубоко».

«Насколько „очень“?»

«Это место связано с центром Земли».

Лу Цинцзю заинтересовался: «Мой подарок здесь?»

«Угу, – подтвердил Бай Юэху. – Он там».

Сначала он хотел отдать подарок сам, но потом решил привести Лу Цинцзю сюда и вручить его здесь. Странное чувство вело его – необъяснимое желание показать ему мир, в котором он жил, показать свою любимую родину.

«Хорошо, – улыбнулся Лу Цинцзю и погладил чешую. – Я жду с нетерпением».

Бай Юэху тихо хмыкнул. Его длинный хвост свободно скользил в воде, издавая приглушённый

свист. Тьма вокруг сгущалась, но Лу Цинцзю не было страшно.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: Я хочу сделать тебе сюрприз.

Лу Цинцзю: Какой?

Бай Юэху: Я позволю тебе прикоснуться к самой важной части моего тела.

Лу Цинцзю: О, ты снимаешь штаны, чтобы я мог дотронуться до твоего хвоста? Эй, подожди?!

Переводчику есть что сказать:

ессо: Вот мы и добрались до туалетного юмора - и до чего же смешно! Видимо, для контраста с мрачной 63-й главой автор оторвался здесь по полной.

«Бай Юэху усадил его на что-то холодное и твёрдое».

Извращённый переводчик подумал о странном...

Ах, мой невинный Юэху - кто-то бесстыдно гладит его спину, прижимается лицом и подумывает поцеловать её. (/•/ω•/)

Вспоминаю «Унесённых призраками»! Великолепные сцены описаны автором.

Рохана: Инь Сюнь что, каждый раз по ошибке или нарочно подсыпает слабительное в еду?! хДДД Бедный Лу Цинцзю! Даже день рождения встречает на унитазе... а нет, на корточках в сортире! (новый ржач) Бедняга! Король Сортира!! (катаюсь по креслу с ржачем)

Госпожа переводчик, да вы - знатная извращенка! (как и я, ага хД)

«Эта вещь» не может быть холодной... или вы о... мороженке? /поиграла бровями и заржала/

О! Так до чего там разрешат дотронуться ГГ?! __ /в предвкушении/

<http://bllate.org/book/15722/1636391>